

УДК 81-133 ББК 81 ГРНТИ 16.31.02 КОД ВАК 10.02.01

А. В. Снигирев

Екатеринбург, Россия

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ВЫЗВАННЫХ РЕЧЕВЫМИ КОНФЛИКТАМИ, В ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ ПЕРИОДА СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Понятийно-терминологический аппарат русского права в области правонарушений, связанных с речевыми конфликтами, пережил множество этапов на пути своего становления. В данной статье произведен анализ правовой системы Московского государства от начала централизации до эпохи Петра I (XV–XVII века).

В период существования Великого княжества Московского продолжает формироваться и юридически закрепляться понимание нематериальных прав лица, когда ущерб может быть нанесен не только физический, но и моральный, что находит свое отражение в понятии «бесчестие». Возникают и закрепляются виды нанесения ущерба нематериальным правам лица, среди которых те или иные виды «оскорбления действием» перестают занимать основное место, наряду с ними закрепляется осознание правонарушений, совершаемых посредством употребления языковых единиц. Основным видом правонарушения, связанным с речевыми конфликтами, перестает быть «клевета», важную роль приобретает «оскорбление», особое внимание уделяется «государеву слову и делу» – правонарушениям, соотносимым с современными нам призывами к свержению существующего конституционного строя. В исследуемый период проходит сложный процесс создания терминологической парадигмы, связанной с преступлениями, вызванными речевыми конфликтами. На смену существовавшим ранее понятиям приходят новые, еще не обладающие четким объемом значения. Наконец, начинает осознаваться роль контекста высказывания, от которого теперь зависит мера избираемого наказания.

Ключевые слова: Московская Русь, нормативно-правовые акты, оскорбление, клевета, правонарушения.

Сведения об авторе: Алексей Васильевич Снигирев, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета. 620027, Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка 51-15, E-mail: alex_sengir@rambler.ru

A. V. Snigirev

Yekaterinburg, Russia

REFLECTION OF LAW OFFENSES CAUSED BY SPEECH CONFLICTS IN THE LEGAL DOCUMENTS OF THE DEVELOPMENT OF A UNIFIED MUSCOVITE STATE

The conceptual and terminological apparatus of the Russian law in the field of law offenses connected with verbal conflicts has passed through numerous stages of formation. The article analyses the legal system of Muscovite State from the beginning of its unification to the epoch of Peter the Great I (XV–XVII centuries).

During the period of the Grand Duchy of Muscovy there formed and got legally enshrined the understanding of intangible rights when damage inflicted can be not only physical but also non-pecuniary or so called «disgrace».

New types of damage to the intangible rights of a person arise and get formalized, among them some types of «insults by action» cease to occupy the main place, while the offenses committed through the use of linguistic units become recognized. «Slander» ceases to be the main offense related to verbal conflicts, an important place is occupied by «insult», special attention is paid to «the sovereign's word and deed» – offenses related to what is interpreted in modern legislation as «calls for the overthrow of the existing constitutional order». The period under discussion sees the complicated development of terminological paradigm binding crimes caused by speech conflicts. Old concepts are replaced with new ones, which yet do not have the full scope of meaning. The role of the context of an utterance becomes important and determines the legal penalty imposed.

Key words: Muscovite State, normative legal acts, insult, slander, offenses.

About the author: Alexey Vasil'evich Snigirev, Associate Professor of the Department of Russian, Foreign Languages and Speech Culture, Ural State Law University. 620027, Ekaterinburg, ul. Mamina-Sibiryaka 51-15. E-mail: alex_sengir@rambler.ru

Понятийно-терминологический аппарат русского права в области правонарушений, связанных с речевыми конфликтами, пережил множество этапов на пути своего становления. От первой попытки унификации норм русского права, которая была сделана князем Владимиром, до современных Кодексов пройден долгий путь. В данной статье, посвященной истории правонарушений, вызванных речевыми конфликтами, будет произведен анализ правовой системы Московского государства от начала централизации до эпохи Петра I (XV–XVII века).

В рассматриваемый период, связанный со становлением нового национального и государственного самосознания, был создан ряд документов, определивших и во многом повлиявших на развитие отечественного права. Прежде всего это Судебник 1497 года, Судебник 1550 года, Указы, которые должны были приписываться к Судебнику 1550 года, Соборное уложение 1649 года. Следующий важный шаг в развитии отечественной юриспруденции будет совершен уже Петром I.

Итак, важнейшим документом рассматриваемой эпохи становится Судебник 1497 года, в котором нашли воплощение как статьи уже существовавших нормативно-правовых актов, так и новые. Появляются и закрепляются новые правонарушения, связанные с речевыми конфликтами в частности и употреблением слова в общем, уточняются и/или получают развитие уже существовавшие статьи.

Наряду с уже существовавшим термином «поклеп» появляется термин «ябедничество»: *«О татбе. А доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью»* [Памятники русского права 1955: 347] и: *«О татех указ. А доведут на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничьство, или иное какое лихое дело, а будет ведомой лихой, и ему того велети казнити смертною казнью»* [Памятники русского права 1955: 353]. Как мы видим, наказание за «ябедничество», вне зависимости от социального статуса, подразумевает смертную казнь. Исследователи, опираясь на дошедшие до нашего времени судные грамоты той эпохи, традиционно рассматривают «ябедничество» как ложные обвинения с целью вымогательства. С другой стороны, в тексте встречается и термин «поклеп», но он связан уже с иным видом преступления, которое можно приблизительно обозначить как «оговор»: *«А которому дадут татя, а велят его пытати, и ему пытати татя безхитростно, а на кого тать что възговорит, и ему то сказати великому князю или судии, которой ему татя даст, а клепати ему татю не велети никого»* [Памятники русского права 1955: 351]. Таким

образом, можно высказать предположение, что была предпринята попытка разграничения просто «клеветы» («ябедничества») как ложного обвинения, совершенного публично по доброй воле, и «оговора» («поклепа») как ложного обвинения, совершенного в процессе следственных мероприятий (то есть попросту – под пытками).

Также указывается такой вид преступления, как «крамола» (уже упоминавшийся в более ранних местных документах), который, кроме физических действий, направленных во вред существующему строю, подразумевает и речевые акты антигосударственного содержания, причем в обоих случаях наказание подразумевает смертную казнь: *«А государскому убойце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казньою»* [Памятники русского права 1955: 347]. В сводном судебнике текст данной статьи несколько уточнен: *«А государьскому убойце, и градцкому здавцу, и коромолнику, и церковному, и головному татю, и подметчику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку, живота не дати, казнити его смертною казньою»* [Памятники русского права 1955: 507], появляется «подметчик» – автор и распространитель «крамольных» текстов.

Встречается и термин, непосредственно связанный с понятием «речевого конфликта», уже упоминавшийся в первой главе «лай», но его использование является эпизодическим, впоследствии он будет заменен другими обозначениями: *«А кто кого поимает приставом в бою или в лае, или в займех и на суд не восхотят, и они доложат судии, помирятся, а судьи продажи на них нет, опроче езд и хоженного»* [Памятники русского права 1955: 355].

В Судебнике 1550 года, примыкающем к нему Судебнике 1589 года, Сводном судебнике и приказных указах времени правления Ивана Грозного впервые детальнейшим образом рассматривается понятие «бесчестие». Контекст, в котором употребляется это понятие, явно говорит о том, что нанесение урона чести истца может быть осуществлено как действием («увечие»), так и словом. Компенсация ущерба за данное деяние имеет не

только социальную, но и гендерную дифференциацию: деяние против женщин наказывается вдвое строже, чем против мужчин, и факт этот мало согласуется с существующим в массовом сознании мифом о бесправии и беззащитности женщины: *«А безчестие детям боярским, за которыми кормленья, указати против доходу, что на том кормленья доходу по книгам, а жене его безчестья вдвое против того доходу. А которые дети боярские емлют денежное жалованье, и сколько которой жалованья имал, то ему и безчестье, а жене его вдвое против его жалованья. А дьяком полатным и дворцовым безчестье что царь и великий князь укажет, а женам их вдвое против их безчестья. А гостем бошим безчестья пятьдесят рублей, а женам их вдвое против их безчестья. А торговым людям и посадичим людям и всем середним безчестья пять рублей, а женам их безчестья против их безчестья вдвое. А боярскому человеку доброму безчестья пять рублей, опричь тиунов и доводчиков, а жене его вдвое; а тиуну боярскому или доводчику и праведчику безчестья против его доходу, а женам их вдвое. А крестьянину пашенному и непашенному безчестья рубль, а жене безчестья два рубля. А боярскому человеку молодчому или черному городцкому человеку молодчому безчестья рубль же, а женам их безчестья вдвое. А за увечье указывати крестьянину, посмотри по увечью и по безчестью; и всем указывати за увечье, посмотри по человеку и по увечью»* [Памятники русского права 1956: 238]. Любопытно, что впоследствии происходило уточнение системы компенсационных выплат, в частности, в связи с появлением новых гильдий и профессий. Так, в Указной книге земского приказа находим следующее разъяснение: *«И в Казенном приказе, по государеву указу, суконные сотни торговым людям за безчестье указывают лутчому человеку пятнатцать рублей, середнему человеку десять рублей, молотчому пять рублей. А у подлинной памяти припись»* [Памятники русского права 1956: 376].

В правовых документах исследуемого периода используется термин «лгать», повторяющий уже упомянутый «наводки» из Новгородской судной грамоты: *«А хто виноватой солжет на боярина, или на околничего, или на дворецкого, или на казначея, или на дьяка, или на подьячего, а обыщетца то в*

правду, что солгал, и того жалобника, сверх его вины, казнити торговою казнью бита кнутъем, да вкинута в тюрьму» [Памятники русского права 1956: 234]. В Судебнике 1589 года уточняется список должностей, защищаемых законом от клеветы: *«А хто виноватой солжет на боярина, или на дворецкого, или на судью, или на дьяка, или на кого ни буди, а сыщут, что солгал, и того жалобника повинити, безчестие на нем взяти, да бити его кнутом, да вкинута в тюрьму, да порука взяти, что впредь не лгати»* [Памятники русского права 1956: 414].

Уставные книги разбойного приказа времен Ивана Грозного, в связи с массовым применением пыток при судопроизводстве, посвящают большое количество текстов «поклепу», то есть, в данном контексте, «оговору». В них рассматривается вопрос о том, когда и по какой причине признания, полученные под пытками, можно рассматривать как «поклеп».

Любопытно, что записи процессов дают одно из первых определений оскорбительной, бранной лексики. Так, в «Сыске по обвинению гулящего человека Василия Лося в государевом деле 1627 года, августа 29 – 1628 года, сентября 21» находим: *«А Васька Лось в разспросе и с очей на очи с тем крестьянином с Томилком Васильевым говорил: “какое он про тебя, государь, непригожее слово говорил или нет, того он не упомянет, потому, что был пьян”»* [Памятники русского права 1956: 155]. Данное словосочетание – «непригожее слово»/«непригожие слова» встречаются в данный период неоднократно, и впоследствии постепенно будут заменены иной терминологией.

Следующий важнейший документ анализируемого периода – Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. Принципиальное отличие данного документа от текстов предыдущих эпох – введение сурового наказания за «богохульство», причем преступление это имеет более широкое наполнение, чем упоминавшиеся выше «церковная татьба» или «еретичество». Богохульство связано едва ли не в первую очередь с речевыми конфликтами на религиозной почве: *«Будет кто иноверцы, какия ни буди веры, или и Руской человек,*

возложить хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождшую Его пречистую Владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию, или на честный Крест, или на Святых Его угодников: и про то сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма; и того богохульника обличив казнити, сжечь» [Памятники русского права 1959: 22]. Как видно из текста, появляется еще один термин, связанный с правонарушениями в речевой сфере – «хула», интерпретируемая как оскорбление христианской веры, отрицание ее канонов, или, что явствует из контекста, символов веры.

Следующее упоминание о преступлении в речевой сфере связано с «Государевым словом и делом», уже упомянутой ранее «крамолой», которая понимается еще более широко: *«Будет кто каким умышлением учнет мыслити на Государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету про то его злое умышление сыщется до пряма, что он на Царское Величество злое дело мыслил, и делать хотел: и такова по сыску казнити смертию»* [Памятники русского права 1959: 28].

Более подробно, хотя по-прежнему местами противоречиво, разбирается «бесчестие», возникающее в результате оскорбления словом, причем статьи, связанные с бесчестием, носят явно сословный характер: *«Будет кто при Царском Величестве, в Его Государеве дворе, и в Его Государских палатах, не опасяючи чести Царскаго Величества, кого обезчестит словом; а тот, кого он обезчестит, учнет на него Государю бити челом о управе, и сыщется про то допряма, что тот, на кого он бьет челом, его обезчестил: и по сыску за честь Государева двора того, кто на Государеве дворе кого обезчестит, посадити в тюрьму на две недели, чтобы на то смотря иным неповадно было впредь так делати. А кого он обезчестит, и тому указати на нем безчестие»* [Памятники русского права 1959: 37]. Как мы видим, отягчающим обстоятельством становится условие коммуникации – место произнесения хулы. Данная мысль прослеживается и в следующей статье: *«А кого судьи велят поставити к суду: и истцу и ответчику, став перед судьями искати и отвечать вежливо и смирно*

и не шумко, и перед судьями никаких невежливых слов не говорить, и меж себя не браниться. А будет перед судьями истец или ответчик меж себя побранятся, и кто кого из них обезчестит непригожим словом: и того, кто перед судьями кого обезчестит словом, за судейское безчестие посадити в тюрьму на неделю; а кого он словом обезчестит, и тому велети на нем доправити безчестие по указу» [Памятники русского права 1959: 93]. Данная статья становится в чем-то предтечей наказания за неуважение к суду.

Особо рассматривается «бесчестие», совершенное государственными служащими: *«А будет кто служилой человек, едучи на Государеву службу, или едучи с Государевы службы, приедет к кому на стан по недружбе нарядным делом для задору, и в том межь ими учинится брань и бой, и на бою будет тот, который приедет на чужой стан насильством, кого Убьет, или ранит, или ограбит: и того по сыску за смертное убойство казнити смертию же. А будет он на том стану только рукою ударит, а не до смерти убьет, и не ранит, или словом кого обезчестит, или у кого грабежем что возмет, а сыщется про то допряма: и тому учинити наказание смотря по вине; да на нем же велети тому, кого он рукою ударит, или словом обезчестит, доправити безчестие и грабеж вдвое» [Памятники русского права 1959: 58].* Как мы видим, преступления, совершенные при исполнении обязанностей, даже если это «бесчестие словом», также наказываются более строго.

Как и в предыдущих нормативно-правовых актах, в случаях, когда пострадала женщина, «бесчестие непригожим словом» наказывается вдвое строже: *«А будет, кто ни буди, обезчестит непригожим словом чью жену, или дочь девку или сына неверстаннаго, какова чина ни буди, и женам и дочерем девкам и сыновьям неверстанным по суду и по сыску правити за их безчестия: жене против мужня оклада вдвое; дочери девке против отцова оклада в четверо; сыну неверстанному против отцова оклада вполы» [Памятники русского права 1959: 92].*

Рассматриваются и семейные ссоры, но при их правовой регламентации употребляется иное выражение – «грубые речи», которое не синонимично

«непригожим словам», потому что, в числе прочего, наверняка включает оценку интонации и высоты тона говорящего: *«А будет кто сын, или дочь, не помня закона Христианского, учнет отцу, или матери грубия речи говорите, или отца и мать с дерзости рукою зашибет, и в том на них отец, или мать учнут бити челом: и таких забывателей закона Христианского за отца и мать бити кнутом»* [Памятники русского права 1959: 430]. Более мягкое наказание за данное правонарушение также позволяет интерпретировать его не как «бесчестие», а, скорее, как проявление неуважения и/или грубости.

Таким образом, проанализированные тексты позволяют сделать следующие выводы. В период существования Великого княжества Московского продолжает формироваться понимание нематериальных прав лица, подразумевающих возможность нанесения ему не только физического, но и морального ущерба, что находит свое отражение в понятии «бесчестие». Возникают и получают правовое закрепление виды нанесения ущерба нематериальным правам лица, среди которых те или иные виды «оскорбления действием» перестают занимать основное место, наряду с ними закрепляется осознание правонарушений, совершаемых посредством употребления языковых единиц. Основным видом правонарушения, связанным с речевыми конфликтами, перестает быть «клевета», важную роль приобретает «оскорбление», особое внимание уделяется «государеву слову и делу» – правонарушениям, соотносимым с современными нам призывами к свержению существующего конституционного строя. В исследуемый период проходит сложный процесс создания терминологической парадигмы, связанной с преступлениями, вызванными речевыми конфликтами. На смену существовавшим ранее понятиям приходят новые, еще не обладающие четким объемом значения. Наконец, начинает осознаваться роль контекста высказывания, от которого теперь зависит мера избираемого наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Памятники русского права». М., 1956. Вып. 4.
2. «Памятники русского права». М., 1959. Вып. 5.

REFERENCES

1. «Heritage of Russian Law» [Pamjatniki russkogo prava]. Moscow, 1956. Issue 4.
2. «Heritage of Russian Law» [Pamjatniki russkogo prava]. Moscow, 1959. Issue 6.